

Среда, 2-го июля 1908 г.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Среда, 2-го июля 1908 г.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 152

Подписка с доставкой и пересылкой:
На год . . . 7 р.—и. На 3 месяца 2 р. 25 к.
На 6 мес. . . 4 р.—и. На 1 . . . — р. 50 к.
За доставку издается дополнительно 25 к., с пересылкой по иностранным—50 коп.

РЕДАКЦИЯ:
МОСКВА, Тверская ул., д. т-ва Н. Д. Сытина.
Телефоны № 27-28.
Редакция для приема объявлений—с 4 до 6 час.
Узнается, по желанию, редакцией по почте, по заверенности.

КОНТОРА:
МОСКВА, Тверская ул., д. т-ва Н. Д. Сытина.
Телефоны № 22-23.
Контора открыта с 9 час. утра до 6 час. вечера.
Телефонъ типографии № 15-35.

ОБЪЯВЛЕНИЯ: Впервые помест.—80 к., вторая
сторона сообщения—1 р. 25 к.
Продолжаемая, вторая сторона.—50 к. за раз при
размере не более 3-х строк.

№ 152

Цена отдельному № 3 л.
7 копеек и в год 20 л.

Цена отдельному № 3 л.
7 копеек и в год 20 л.

Памяти А. П. Чехова.

(2-го июля 1904—1908).

И сердцу вновь наносить
хладный свѣтъ

Неотразимыя обиды...

Пушкинъ.

Полно кто-то сказалъ: «Послѣ всевозможныхъ Русинъ, военныхъ и штатскихъ, морскихъ и сухопутныхъ, у насъ осталось одно, за что мы можемъ себя уважать, — Левъ Толстой». Съ этимъ можно согласиться, если прибавить: «Толстой и русская литература, русское искусство». Толстой, добрый и благоухающій цѣтокъ, выросъ и развился на грязномъ болотѣ нашей общественной жизни, среди мучительнаго одиночія, «власти тьмы» и «тьмы власти».

Мы сообразили, чтобы заглушить его, — тащомыслиемъ и девитыми отбросами около него, — отъ безсмысленной жестокости обрывали его корни и листья, а онъ все развивался, цѣлъ и благоухалъ, подчиняясь своимъ внутреннимъ извѣчнымъ законамъ, не замѣчая тупой неблагодарности тѣхъ, для которыхъ онъ былъ единственнымъ лучомъ радости среди промозглой и безпросвѣтной тьмы...

За рѣдкими исключеніями, печать таланта у насъ — печать прозябанія. Нужна большая жизнеспособность, чтобы пробиться сквозь толщу злобныхъ преслѣдованій хуливающей критики, общественного равнодушія, «независимыхъ обшественствъ», матеріальной необеспеченности, наглої эксплуатаціи. Пробиваются чаще уже надломленные — для запоздашаго признанія и преждевременной смерти.

Такова судьба Чехова.

Бодрый, полный яркаго юмора, брызжущій радостью, вышелъ онъ на крем-

ю, истый путь литературы въ концѣ 70-хъ годовъ. Тонкая, хрупкая, мечтательная душа («черезъ двѣсти, триста лѣтъ...») онъ не разчиталъ своихъ силъ, и скорбь грусть закралась въ его сердце; ему говорили: «не расцвѣтъ, отцвѣтаете», «вы умрете подъ заборомъ», «ваше творчество безыдейно и безцѣльно». И Чеховъ болѣзненно-воспримчивый, все это вслушивалъ, голодалъ, мыкался по редакціямъ «Будильниковъ», «Осколковъ», пока «безсмертная пошлость людская» и «чеховскія занятія» не сдѣлали его авторомъ «скучныхъ исторій», странныхъ трагикомедій нашей жизни, писателемъ признаннымъ и приговореннымъ къ смерти.

Ушелъ онъ.

Болезнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ дотучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній...

Въ немъ назрѣвалъ переломъ; о тайнахъ его мы можемъ только догадываться по отдѣльнымъ штрихамъ «Вишневаго сада», «Невесты»...

Теперь мы знаемъ, чѣмъ онъ былъ для насъ, но еще не поняли вполне своей чудовищной неблагодарности къ нему и къ его памяти.

Подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ безвременной смерти и «вагона для устрицъ» говорили о многомъ: о чеховскомъ музее въ Москвѣ, о покупке у семьи А. П. Яковлевскаго домика, намогильномъ памятникѣ, о переименованіи Художественнаго театра въ чеховскій и т. д. Въ Блденвейлерѣ памятникъ ему есть, у насъ же въ 4 года не собрались привести въ порядокъ могилы (сдѣлаза кое-что, насколько хватило средствъ и силъ, семья); вещи, предназначенныя для чеховскаго московскаго музея, расходятся по рукамъ (счастье еще, если онѣ попадутъ въ чеховскіе музеи Таганрога и Харькова). Мой призывъ въ газетахъ собирать средства для того или другого увѣковѣченія памяти Чехова въ Москвѣ остался пока безрезультатнымъ. И все же, съ меньшею надеждою чѣмъ прежде, я не могу не повторить сегодня своихъ прежнихъ словъ: «За послѣднее время на нашемъ литературномъ горизонтѣ всмыхнуло и закатилось много метеоровъ; даже ихъ эфемерный блескъ не закрылъ отъ насъ звѣзды чеховскаго таланта съ ея тихимъ, кроткимъ и грустнымъ свѣтомъ; съ ихъ закатомъ она должна затеплиться сильнѣе и ярче. Сумѣемъ же быть благодарными ея лучамъ и тому, кто вдохнулъ въ нихъ вѣчную жизнь»...

Или не сумѣемъ и будемъ испытывать легкое «недохоганіе совѣсти» только 2-го іюля при видѣ запущенной могилы и мимолетномъ воспоминаніи о невыполненныхъ обѣщаніяхъ?

ВЛ. КАЛЛАШЪ.